
КСЕНИЯ ТАУ
РАЗБИТЫЕ СКАЛЫ
18+

Ксения Тау
Разбитые скалы

https://litres.ru/74934179
SelfPub; 2026

Аннотация

Диана не знала, что однажды станет ставкой в чужой игре. И уж точно не могла представить, кто окажется победителем.

В её жизни переплетаются любовь и предательство, опасное притяжение и старинная тайна. Золотое колье с глазами рубиновых змей хранит историю, которую лучше было бы не тревожить. А человек, ставший для Дианы защитой, скрывает правду, способную разрушить всё, что только начало зарождаться между ними.

Когда любовь становится спасением, как отличить её от золотой клетки? И что победит - чувство, которому хочется верить, или проклятие, которому нельзя противостоять?

«Разбитые скалы» - история о тайнах, опасном притяжении и цене желания обладать.

Ксения Тау
Разбитые скалы

Пролог

С

егодня клуб «À jamais» пах чужими надеждами. Заведение дышало, смеялось и жило по своему распорядку дня, засыпая лишь к утру.

Я сидел за столом в закрытой зоне. В компании за ним - пятеро человек. Двое моих. Двое - чужих. Денис и ещё какой-то мутный тип. Я знал имя только одного. И я отчётливо знал, что он сейчас проиграет.

(Я вовсе не любил играть в покер. Я любил выигрывать. Это абсолютно разные вещи.)

— Ещё одну? - спросил я.

Денис посмотрел на меня. В его глазах читалось мутное отчаяние и бездумный азарт.

— У меня больше нет денег.

— А что есть?

Он помедлил, потом взял себя в руки и достал из кармана невиданной красоты колье.

— Вот. Это всё, что осталось. - Он протянул украшение с небрежностью, перекинув его в мою руку.

Я повертел его в пальцах. Хорошая работа, старинная, с изящной гравировкой внутри. Я присмотрелся и прочитал вслух:

— «Дианочке от дедушки».

И тут что-то щёлкнуло. Как будто в голове включили свет. Яркий, режущий и оставляющий ожоги на глазах, ослепляя.

(Я видел его раньше. По ощущениям - в другом месте или другой жизни. Когда я был маленьким, мне рассказали одну легенду.)

В недрах Этны бог-кузнец выковал не просто золото, а саму месть. Переплетённые змеи, чьи рубиновые глаза горели ненавистью обманутого мужа, легли на шею Гармонии в день её свадьбы.

Проклятие Гефеста было простым: вечная молодость в обмен на кровь близких. Ожерелье превращало цариц в богинь красоты и тут же сводило их любовь в могилу. Одна за другой они платили за свой блеск безумием, предательством и пеплом собственных семей.

Проклятое золото заперли в тишине дельфийского храма, решив, что жатва окончена. Но божественная ненависть не умирает в темноте - она лишь ждёт, чья шея следующей захочет примерить её ледяной укус.

Я смотрел на колье, вспоминая детали истории.

(Это оно. То самое. Я не верил бабушке. Думал, сказка. А теперь- держу его в руках. И понимаю: что это не легенда.)

— Это всё? -спросил я.

— Нет. Есть ещё кое-что.

— Что?

(Он посмотрел на меня. Прямо в глаза, это было в первый раз за вечер).

— Моя девушка. Я ставлю её.

(Я замер, не поверив в сказанное. Я слышал многое. Люди ставили машины, квартиры, бизнесы. Но девушку?)

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. - Он усмехнулся как-то по-волчьи. — Она красивая, умная, послушная. Дороже колье будет.

(Я мог встать и уйти, сказать: «Ты больной». Но я не стал. Потому что что-то в его глазах было знакомое. Отчаяние, слабость и страх. Я точно видел это раньше. Ах да, в зеркале.)

— Покажи её хотя бы.

Он достал телефон, открыл фотографию и протянул мне.

Я всмотрелся в её лицо. С фотографии на меня смотрела божественной красоты блондинка. У неё золотистые волосы, падающие на плечи мягкими волнами. Зелёные глаза -глубокие, как омут.

(Но я помнил её другой.)

Шумной, громкой. С вечным «Фил, отдай!» и «Фил, ты дурак!». Лупившей меня по каждому пустяку, отбирающей приставку, смотревшей так, будто я - её личная игрушка, ко-

торая всегда под рукой.

(Она выросла. Стала красивой. С неброским макияжем. Не та, какой я видел её последний раз. На ней не было яркой помады, взгляд стал мягче. Она теперь... Другая.)

Я смотрел на фотографию с неприличным интересом, со стороны это выглядело не лучшим образом.

Молодец, Фил. Образец тактичности. Разглядываешь девушку без стеснения.

(Я заметил, что что-то в её глазах было не так. Игривость во взгляде потухла. Как будто кто-то взял её и сломал, как антикварную вазу, а после склеил. Криво. Не так, как было.)

— Она? - спросил я.

— Она.

— Играем.

Я выиграл. Конечно же выиграл, иначе быть не могло, приз дал мне мотивацию.

Денис откинулся на спинку стула. Его лицо стало по-мертвецки бледным и каким то пустым.

Глава 1 «Тинтиннабулум»

Я

сидела в своей детской комнате в квартире родителей,

уткнувшись лицом в подушку.

(Я совсем не хотела ехать в свою квартиру. Там было до боли пусто. Там был его запах. Его вещи. А главное -воспоминания. А здесь -только я и подушка. За стеной тихо шумит сестра. Родители, наверное, видят десятый сон.)

Моя детская комната всегда была аккуратной, чуть ли не стерильной. Книги на полках расставлены по алфавиту. Постель всегда заправлена по армейским наставлениям отца. Но главное здесь - статуэтки. Большие, средние, маленькие. Бронзовые. Фарфоровые. Они отражали богов, их лики, и истории.

(Мой любимый дедушка знал много легенд. И пока я была маленькой, он любил повторять: «Это не просто статуэтки, Диана. Это живые истории. Каждая история - чья-то жизнь. Некоторые - чьё-то проклятие».)

Я долго не понимала смысл его слов. А сейчас смотрела на них, вытирая слёзы рукавом пижамной рубашки, и думала:

«А что, если моя история тоже уже написана? Кем-то другим?..»

Подушка, мирно лежащая на моих коленях, пахла хлопком и холодом и чем-то ещё - до боли родным. Я вцепилась в неё так, будто она была единственным, что ещё держало меня на земле.

Слёзы текли на неё глухими каплями. Я перестала вытирать их. Хлопковый рукав рубашки уже можно было выжимать. Всё равно их никто не видит. Я сжала край подушки так, что ногти впились в ткань. Боль в пальцах была приятнее той, что внутри.

(Я без остановки повторяла про себя заученное: «Диана, ты сильная. Ты справишься». -«Завтра мы откроем эту дверь. И покорим этот бездушный мир».)

Утро того дня началось со звонка.

На экране высветилось имя, и заиграла мелодия - колыбельная.

— Доброе утро, любимый, -промурчала я в трубку, вложив в слова всю нежность, которая только у меня оставалась.

— Собирайся. Я заеду через полтора часа.

Звонок сбросили. Гудки.

Я потянулась. Выпуталась из одеяла. Накинула халат. Посмотрела на настенные часы. «У меня есть полтора часа».

Я схватила коробочку с подарком со стола. Выбежала в коридор, спеша поставить её на комод - прямо под ключницу, -чтобы ненароком не забыть. И чуть не сбила Дашку: Лишь слегка задела её корпусом.

Она стояла в дверях своей комнаты. С причёской, которую сама называла «творческим беспорядком». От испуга Даша сжала в руке кисть -так, как люди обычно берутся за холодное оружие. Внешность моей сестры была скорее бо-

жественной, нежели человеческой; я всегда сравнивала её с Гекатой. Но сегодня от богини её отличал фартук, заляпанный цветущими каплями краски всех возможных цветов и форм.

— Осторожнее. Она отскочила от меня, как от ужаленной.

— Ты куда летишь?

— Собираться. - Я довольно помахала коробочкой.

— Пять лет.

— Пять лет. - Даша присвистнула.

— Серьёзно? Время пролетело настолько быстро?

— Серьёзно. - Я гордо улыбнулась.

— И куда вы едете?

— Он не сказал. Думаю, он хочет устроить мне сюрприз.

— Тогда вот это. - Она зашла в мою комнату, открыла шкаф и достала шёлковое тёмно-синее платье, похожее по оттенку на крылья бабочки вида «голубая морфо».

— Ты в нём красивая. Этот невероятный оттенок подчёркивает твой аристократизм. Везучая ты, Ди. Вся в маму.

Я взяла платье. И посмотрела на неё с тёплой улыбкой.

— Спасибо.

— Хорошо. Даша уже тащила меня за руку к трюмо.

— Садись. Будем «пытать» твои волосы.

Она уложила меня за пять минут. Настолько быстро и ловко, будто делала это не меньше сотни раз. (Впрочем, так оно

и было.)

— Ты нервничаешь. - Даша с нежностью погладила меня по плечу.

— Немного.

— Почему?

— Не знаю. Я посмотрела на неё через отражение в зеркале.

— Просто… есть такое чувство. Тяжёлое. Оно не отпускает.

Даша замерла. Тяжело взглянула на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. — Я посмотрела на неё через отражение в зеркале.

— Просто… есть ощущение. Как будто что-то не так.

Даша тяжело вздохнула. Потом сказала:

— Позвони мне. Как освободишься. Хорошо?

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она кивнула.

— Иди. Он уже ждёт.

Я выскочила за дверь - и услышала, как где-то за спиной Денис гудит клаксоном. Я обернулась: Даша смотрела мне вслед. И что-то в её глазах было не так. Как будто она знала намного больше, чем говорила.

Я выбежала из подъезда и быстрым шагом направилась к машине Дениса. Он перестал «мучить» руль в тот момент, когда я появилась в поле его зрения.

Он не открыл мне дверь.

В голове разнёсся первый звон тинтиннабулума.

— Странно.

(Я пробурчала это себе под нос. Это была наша маленькая традиция. С самого начала отношений этот жест казался мне пиком романтики: до одури галантный. Сначала конечно, он открывал двери в такси. Потом у него появилась машина, но традиция никуда не делась.)

Я резко распахнула дверь сама. Села. Резким движением руки , будто рассекла воздух мечом - пристегнулась. Посмотрела на него. Он выглядел помятым; у него были красные глаза. Сжатые челюсти. Клянусь, я услышала, как щёлкнули его зубы.

(Он не смотрел на меня. Его взгляд шёл куда-то сквозь меня. Как будто меня и не было в машине.)

—Куда мы едем? — спросила я.

Он не ответил. Резко нажал на газ. Меня вжало в кресло.

(Я вцепилась в сиденье. Нет, я не испугалась: Денис и правда ездит нервно, и я давно перестала обращать на это внимание. Я боялась другого. Я чувствовала, как земля уходит из-под ног - очень медленно, так, будто под моими ногами расползалась пропасть, полная ядовитых змей. Это чувство было очень… неотвратимым.)

Мы ехали без фоновой музыки. Город проплывал за окном. Знакомые улицы. Дома. Люди. Всё как обычно. А внутри машины - тишина. Я слышала гулкий стук собственного сердца.

Я взглянула на его руки, на руле. Костяшки побелели. Он сжимал руль слишком сильно.

(Я захотела взять его за руку. Но не смогла. Мне что-то помешало. Как будто между нами было стекло. Толстое и невидимое. И моё сердце гулко ударилось в него - я отдёрнула руку, словно обожглась.)

— Денис… - произнесла я.

Он проигнорировал.

— Ты серьёзно? - спросила я.

Он прокашлялся и хриплым голосом пробормотал: «Всё нормально».

— Нормально? — Я повернулась к нему. - Ты сказал «всё нормально». А до этого молчал. Что происходит?

Он сбавил скорость перед внезапно загоревшимся красным светофором и посмотрел мне прямо в глаза.

В голове разнёсся второй звон тинтиннабулума.

(В первый раз за утро он смотрел не сквозь меня. И взгляд у него был не такой, как обычно. Не греющий. Больше - пустой. Как будто он уже всё решил. А я опоздала, не сумев ничего сказать.)

— Я всё объясню.

— В кафе. Хорошо? - Он выдавил улыбку. Она показалась мне неестественной, натянутой - похожей на оскал. Обычно так улыбается зверь, подходя к своей добыче.

Я кивнула,скорее на автомате. Но что-то внутри сжалось. Ещё сильнее. Вызывая болезненную дрожь в ногах.

Мы зашли в изысканный ресторан «Роуз». Я улыбнулась знакомой хостес, оглянулась и заметила Таню: она стояла чуть дальше у стены, опершись рукой. Она оторвала взгляд от телефона и улыбнулась во весь рот. Но улыбка была натянутой, больше похожей на кукольную. Она посмотрела на Дениса. Потом на меня. И что-то в её глазах дрогнуло - так дрожит стекло за секунду до того, как разлететься на мелкие осколки.

(Она знала. Или догадывалась. Что-то было не так. И Диана это увидела. Сегодня всё было не так. Не так, как должно быть.)

В голове разнёсся третий звон тинтиннабулума.

— Проходите. Столик 14. В вип-ложе нет посетителей. Сейчас отправлю к вам официанта.

Я взяла Дениса за руку и крепко сжала, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией.

— Что происходит? - спросила я. Уже со злостью и «сталью» в голосе.

— Сейчас поговорим. - Это была фраза, которую я слышала не в первый раз за это утро.

Мы сели. Подошёл официант, - которого я раньше не ви-

дела, - и, не подав меню, сразу принёс кофе и мои любимые пирожные. Таня, видимо, постаралась.

Я не притрагивалась к десерту. Лишь взяла чашку с карамельным латте и в упор уставилась на своего парня. Я ждала объяснений. Слов . Чего угодно.

(Я думала, что он сделает предложение. Я ждала этого несколько месяцев. Мне казалось: вот сейчас. Самое время. Но его поведение заставляло серьёзно усомниться.)

Денис посмотрел на меня. Глазами очень уставшего человека.

(Он не спал. Волновался? Или… что-то другое?)

— Диана. -Голос был хрипловатым. Парень быстро прокашлялся.

— Прости. Всё нормально. Я. … Нет. Мне нужно с тобой поговорить.

— Диана. - Он произнёс это очень тихо. - Мне нужно с тобой расстаться. Родители оплатили мне учёбу в Лондоне. Это главное условие. Для оплаты.

(Он сказал это. Вслух. Даже не глядя на меня.)

В голове разнёсся четвёртый звон тинтиннабулума.

Я почувствовала, как чашка в моей руке дрогнула. Кофе плеснул на блюдце. Тёмное пятно расползлось по белому фарфору - как клякса. Я всмотрелась в него: кофе сложился в форму ножниц..

(Я могла закричать. Могла бросить чашку. Но лишь сжала

пальцы. «Это не может быть правдой»..)

Я отодвинула стул. Схватила сумочку. И вышла не оборачиваясь.

Тинтиннабулум снова ожил.

Дзинь. Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Четыре звона. Я резко замерла на выходе из VIP-зоны, чувствуя, как холодный пот стекает по накрашенному лбу.

Я вспомнила, что это значит**. Тинтиннабулум** - это не просто колокол. **Это инструмент**. Его звон должен отгонять зло.

Но в античной традиции число звонов имело значение.

И четыре-это число смерти.

Четыре стороны света. Четыре ветра. Четыре лошади в колеснице Аида. Четыре звона-это не защита. **Это приговор**. Колокол не отпугивает зло. Он возвещает его приход.

Глава 2. «À jamais»

Я

шла по коридору, периодически хватаясь за стену, покрытую декоративной штукатуркой. Пальцы скользили по шершавой поверхности. Находили опору. Теряли. Снова находили.

(И с каждым шагом внутри меня - что-то трескалось. Мучительно медленно. Как лёд под ногами. Ещё шаг - и я провалюсь в пропасть, полную мерзких змей. Приносящих боль

и разочарование. Искушающих на дурные поступки.)

Дверь кабинета была приоткрыта. Полоска света ложилась на пол. Я толкнула ее, навалившись всем телом

Таня сидела за столом с бумагами. Заметив меня она удивлено подняла глаза.

— Диана?

Я не ответила. Прошла мимо неё. К стеллажу с алкоголем.

(Я знала этот кабинет наизусть. В нем пахло старым деревом и вином. И чем-то ещё незнакомым мне.)

Я выбрала бутылку. С изящными надписями по краям этикетки. Провела по ней кончиками пальцев. Ощутила выпирающие буквы. Вздохнула. Опустившись в кресло.

Таня связалась с уже знакомым мне официантом. Тот принес бокалы. Разлил терпкий напиток. И пожелал приятного времяпрепровождения. Как только дверь за ним закрылась. Таня посмотрела на меня с явным беспокойством

— Что случилось? Спросила Таня.

Я сделала глоток. Потом ещё один.

(Слова застревали в горле. Как косточки от вишни. Острые. Колючие. Не проглотить, не выплюнуть.)

— Тань.

— А администратора ты нанимать не хочешь?

Она начала говорить про ответственность. Про то, что кого попало брать нельзя. И бла-бла-бла.

Я слушала вполуха. Пила вино. Смотрела в стену.

(На стене я заметила - небольшую трещину совсем незаметную, невесомую. Как та, что внутри меня. Только моя - больше. И глубже.)

— Диана. Таня отложила ручку.

—Хватит отвлекаться. Рассказывай.

И я рассказала... Всё

Таня слушала. Не перебивала. Только один раз - когда я сказала «он меня бросил» - её рука с бокалом дрогнула. И капли напитка потекли по внешним стенкам бокала, быстро догоняя друг-друга

— Я знала, сказала она, когда я замолчала.

— Знала, что он что-то планирует.

— Откуда?

— Он приходил вчера. Незадолго до закрытия. Сидел один в зале. Смотрел в никуда, словно через стены

Я спросила, что случилось. Он меня проигнорировал

(Я почувствовала, как холодеют пальцы, покалывая и обжигая)

— Я не знала, что он…. Таня осеклась. Думала, может, предложение готовит. Или сюрприз, какой нибудь.

Я засмеялась. Хрипло с нотками выкованной стали, еще не успевшей остыть, горечь метала, звенела и больно обжигала горло

— Сюрприз. Да... Он мне его сделал.

Таня встала. Подошла к шкафу. Достала ещё одну бутылку.

—Сегодня нам нужно напиться в вдрызг.

— Я только за.

Мы пили. И говорили. О нём. О нас. О том, что все мужики ….. И что нам лучше без них.

Через час Таня предложила:

— а поехали в клуб.

— Какой клуб?

— Новый. Открылся на прошлой неделе. Говорят, там круто.

— Поехали.

Мы прошли к стойке, где стояла улыбчивая хостес.

Она протянула нам два силиконовых браслета с надписью **«À jamais».**

(Я не знала, что это значит. Но что-то в этом слове царапнуло.)

Внутри - полумрак мои глаза долго привыкали к нему. Стены, обрамленные Тёмным деревом. И огромные песочные часы у барной стойки. Песок застыл посередине. Не падал и не двигался. Как будто время остановилось.

На стене - перевёрнутая восьмёрка. Знак бесконечности. Только в виде песочных часов.

(Я посмотрела на них. И подумала: вот бы так же остановить своё время. В тот момент. Когда он сказал «мы расстаёмся».)

Таня потащила меня к бару.

Бармен - молодой парень с длинными волосами. Улыбнулся мне во все зубы. И протянул меню.

— Что будете заказывать?

Я пробежалась глазами. Коктейли. Странные названия. «Эон». «Песчинка Хроноса».

— Что это? Спросила я.

— «Эон»- фирменный коктейль. Бармен улыбнулся еще шире.

— Наш директор придумывал барную карту.

— Странное название для клуба, сказала я.

— Обычно такие места живут пару сезонов. А тут - «Навсегда».

Бармен посмотрел на меня. Как будто ждал этого вопроса.

— Это из старого мифа, сказал он.

— Римляне верили, что у каждого человека есть свой срок. Отмеренный богами. Но если двое встречают друг друга в нужный час - время над ними ломается.

Я оцепенела

— Бармен продолжил - По легенде, бог вечности Эон подарил смертным одно-единственное слово. «Semper». «Навсегда». Не как обещание бессмертия. А как право остановить мгновение.

Он протёр стакан. Поставил его на полку.

— «Навсегда» - это не про бесконечные годы, в которых легко заблудиться. Это про один идеальный миг. Который ты забираешь с собой. И больше никому не отдаёшь.

— Директор клуба хочет, чтобы люди приходили сюда именно за таким моментом.- Закончил он.

Я отвела взгляд. Сделала глоток «Эона».

(А в голове стучало: «Остановить мгновение. Забрать с собой. И больше никому не отдавать». Как будто он говорил не о клубе..)

Таня вскоре исчезла. Просто растворилась в толпе. Я осталась одна с бокалом.

(Я не любила оставаться одна. В незнакомых местах. С чужими людьми. Но сейчас - даже нравилось. Никто не смотрел. Никто не спрашивал. Никто не жалел.)

Я допила «Эон». Поставила бокал. И пошла танцевать.

Музыка била в грудь. Громко. Ритмично. Как мое сердце, музыка повторяла его ритм

(Я повернула голову и увидела его...)

Парень сидел на диванчике в углу. Тёмные волосы. Тёмные глаза цветом, походящие на древесину, которой обрамлен весь клуб.

Цветная подсветка ложилась на его лицо полосами. Как будто радуга ласкала его кожу, без желания оставить его

(Я смотрела на него. Наверное, дольше, чем следовало. Я не могла отвести взгляд. Как будто он был единственным в этом зале.)

Я шагнула к нему. И только тогда заметила рядом ещё одного.

Блондин. Высокий. В молочного цвета рубашке.

Они были точь-в-точь, как Гелиос и Селена из греческого мифа:

Один - ослепительный и шумный День, второй - прохладная, загадочная Ночь. И только здесь, в «Навсегда», время останавливалось в тех редких сумерках, где солнце и луна могли существовать рядом.

(Я заметила Таню. Она сидела с ними. Улыбалась. И что-то щебетала .)

Я пошла, прямо к ним немного, пошатываясь от количества алкоголя во мне

— Тань! - окликнула я.

Она подняла глаза. Увидела меня. Улыбнулась. Помахала рукой как бы подзывая

— Диана! Иди сюда!

Я подошла. Села рядом с ней. Заправила волосы за ухо.

— Диана, сказала Таня.

— Это Фил, он недавно вернулся из Лондона. Я и не думала, что они сегодня будут в клубе, но тебе не помещает развеяться в компании красивых мужчин

Я присмотрелась.

— Филлип? Я прищурилась.

Ты… я помедлила, проверяя слова на вкус... сильно изменился.

— А это кто?- Я посмотрела на блондина.

— Артём. Он протянул руку. — Друг Фила. Владелец это-

го клуба.

Я пожала руку. Холодная. Этот холод не сходился с его теплым образом

— Приятно познакомиться.

— Взаимно.

(Он смотрел на меня. Как будто оценивая. И это было неприятно. Как будто я - лот на аукционе.)

Глава 3. «Первый удар в скалу»

Ф

илипп - старший брат Тани. В последний раз я видела его несколько лет назад. Потом родители отправили его учиться за границу.

Признаюсь честно - он похорошел. И выглядел не тем мальчиком, которым я его запомнила.

Я протянула ему руку для приветствия. Он поцеловал её. Оставил влажный и прохладный след от виски. Рука на месте поцелуя вмиг промёрзла, и в сердце что-то укололо. Будто скала, которую я вытачивала годами, разбилась.

Таня, озорно подмигнув мне, начала рассказывать, что Филипп приехал в родной город за покупкой большей части акций какой-то крупной юридической компании.

Я решила завести беседу и рассказать побольше о себе. Начала с того, что мой отец говорил про какую-то фирму и

о том, что его конкурент как раз продаёт часть акций из-за больших долгов.

Я осеклась. Мне хотелось успокоить парня, на лице которого появилась улыбка. Наверное, эта компания не та, в которую ты вкладываешься. Но я хотела рассказать то, что знаю.

— Диана. Филипп посмотрел на меня.

— Я знаю, какую фирму покупаю. Мои восемьдесят процентов акций были куплены за счёт продажи нескольких бизнесов за границей. Я уже закрыл все долги компании. Не объясняй мне всё. Я вытащу компанию из того, куда её привёл прошлый владелец.

Я кивнула.

(Он, конечно, всё знал. Его отец дружил с моим. Тридцать пять лет. Они ужинали вместе. Обсуждали дела, компании и конкурентов. Я слышала обрывки этих разговоров за столом. Но не вслушивалась. Для меня это было ну слишком… скучно.)

— Вообще-то я религиовед, сказала я, поймав его любопытный взгляд.

— Год назад получила сертификат. И теперь моя работа - копаться в верованиях и легендах Древнего Рима и Греции. Так что, когда я смотрю на это место, я вижу не просто шумный вечер. А ожившую античность.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Я пожала плечами.

— Бармен рассказывал легенду про Эона. Про «Semper». Про право остановить мгновение. Он не соврал. Это из римской мифологии. Только он не сказал, что у Эона была ещё одна ипостась. Он разрушал время. Не только останавливал. Но и ломал.

— И что это значит?

— Это значит, что «навсегда» это не всегда про хорошее. Я посмотрела на него.

— Иногда «навсегда» — это ловушка.

(Он смотрел на меня. Как будто впервые видел не подругу сестры. А меня.)

— Ты чудная-сказал он со смешинкой в дьявольских глазах.

— Знаю.

— Не-е-ет. Он сладко протянул это слово. И добавил:

— Это комплимент, Диана.

— Я предлагаю отвезти вас по домам, -сказал Филипп.

— Диана, Таня, пройдёмте в машину. Меня уже ждёт водитель. Таню в таком состоянии настояния я точно не оставлю в клубе.

Таню мне пришлось нести на руках. На заднее сиденье садиться она не хотела. Начала канючить и проситься поехать на переднем вместе с водителем. Спорить было бесполезно. Пристегнув пьяную дуру, извините, сестру, я сел вместе с Дианой на заднее сиденье. Девушка сначала вела непринуждённый разговор о погоде и театре. А потом сладко заснула,

положив горячую голову на моё плечо.

Отвезя Таню, домой и, отдав её на руки водителю, я вспомнил, что не успел поинтересоваться, где же сейчас живёт Диана. Таня сегодня мне все уши прожужжала про её переезд от родителей. И про то, как они вместе работали над дизайн-проектом комнаты Дианы.

Я сидел на заднем сиденье, ожидая водителя. В то время как Диана сопела, заняв все места на задних сиденьях. Она выглядела невероятно женственной и беззащитной в этот момент. Спящая Диана заставила меня улыбаться, будто я влюблённый школьник. Я коснулся её плеча, наклонился ближе, провёл ладонью по волосам

(в моей голове тут же пронеслось: «Безумно мягкие…»).

Разбудить её не получилось. Она только сквозь сон что-то неразборчиво мычала.

Пришлось залезть в её сумочку. Хотелось найти визитку её отца. Но сделать это не получилось. Мною было принято решение лезть в её телефон. Разблокировать его было несложно. Диана не меняла свой пароль с того момента, как у неё появился первый телефон. Привычная дата её рождения. Я смахнул вверх. И сразу же увидел обои телефона. На них были изображены Диана и Денис.

Я удалил фотографию. И вместо неё сделал снимок, где рука Тани лежит рядом с моей. Лиц было не видно. Но фотокарточка получилась милой и по-детски наивной. Дальше я зашёл в телефонную книжку и добавил свой номер теле-

фона. Отправив сообщением точку, я удалил её у Дианы. И написал со своего номера:

«Позвони мне, когда проснёшься. Нам нужно поговорить».

Дальше я начал искать номера её родственников. Найдя контакт «Сестрёнка Дашенька», я понял, что лучше позвонить Дарье Антоновне. Через пару минут я уже диктовал водителю адрес. И по приезде в квартиру отдал девушку в руки сестры. Помахав на прощание рукой, отправился назад.

Вернувшись в машину, я попросил водителя отвезти меня домой.

Я захватил из машины выпавшую из сумки Дианы коробочку, обвязанную красной лентой с бантиком. Развернув ленту и открыв коробку, я увидел небольшой холст с множественным отпечатком губ Дианы и подписью «Люблю».

Я покрутил в руках холст, провёл пальцами по отпечаткам её губ и решил поставить картину на комод в спальне.

В коробку на место картины я положил колье. Обернул её той же лентой, что была на ней раньше. Бант у меня получился кривым и несуразным.

(Я не знал, что она подумает, когда увидит его. Но знал одно: это колье - не просто украшение.)

Я не собирался использовать девушку. Я хотел рассказать ей правду. Только не всю. Пока что…

Расслабившись, я взял в руки ноутбук и начал сверять очередной договор от «назойливого» поставщика. Сегодня

ему не понравились сроки поставок. Ну что ж…

Глава 4. «Красная лента»

Я

проснулась от звонкой пощёчины от Даши. Я сидела в её комнате и пыталась понять, как из клуба переместилась домой.

Даша села рядом.

— Какого чёрта? -спросила она.

— Почему какой-то незнакомый парень сначала звонит мне с твоего телефона, а потом привозит тебя спящую домой? Ты вообще соображаешь?

Я поморгала. Голова раскалывалась. Во рту - сухо. Как в пустыне.

— Это Филипп.

— Филипп? Сестра нахмурилась.

Даша смотрела на меня с любопытством и недоверием.

— Рассказывай.

И я рассказала. Всё. Про машину. Про кафе. Про условие. Про клуб. Про Филиппа. Про то, как он отвёз меня домой.

После краткого пересказа сестра поутихла. Обняла меня.

— Филипп изменился.

— Я так давно его не видела. Хорошо, что оказался рядом

он. А не какой-то другой парень.

Я кивнула.

(Я не знала, что сказать. Филипп изменился. Да. Но что-то в нём было не так, что именно, я не могла понять.)

Я ушла в свою комнату. По пути снимая высокие каблуки и стягивая платье. Первым делом зашла в гардероб. Оставила вещи. Выбрала пижаму. Взяла полотенце. И отправилась в душ.

С первой каплей воды на моём теле покатились слёзы. Я не вытирала их. Зачем? Вода всё равно смывала.

Закончив с душем, я пошла в свою комнату. Села на кровать. Уткнулась лицом в подушку. И навзрыд заревела.

(Мне было тяжело и больно. Я со всей силы сжимала край подушки, на которую стекали мои слёзы.)

Через полтора часа осознание того, что всё безвозвратно, не отпускало меня. Я решила, что могу позволить себе слёзы только сегодня. С завтрашнего дня я буду выглядеть с иголочки. Чтобы никто не понял, как внутри меня скребет, и сердце, будто само себя душит.

Я успокоилась ближе к часу ночи. Взяла телефон в руки. И увидела обои своего телефона.

На них - моя рука лежит в ладони Филиппа???

(Я пила что-то ещё? Или просто вырубилась? Пока не знаю, что было со мной точно. Голова ходила кругом, руки тряслись.)

Увидев сообщение от Филиппа, я обрадовалась. Он пред-

лагал встретиться и что-то обсудить.

Я думала над ответом недолго. Поблагодарила Фила за то, что он не оставил меня одну. И отправилась спать.

Наутро я увидела ответ от Фила:

«Жду тебя в кафе «Роуз» в 19:00».

(С Таней и Филом мы знакомы чуть ли не с пелёнок. Филиппа отправили учиться в один класс с Дашей. А меня - с Таней. Мы часто ходили, друг к другу в гости. Достаточно тепло общались. Всё изменилось, когда Филипп уехал в Лондон. Он перестал общаться со мной и Дашей. Но я с Таней общаюсь до сих пор.)

Я посетила душ. Я уложила волосы. Заказала завтрак. Накрасилась. Выбрала лучшее прогулочное платье и туфли с сумочкой. Сразу после вызвала такси и прибыла в кафе ровно к назначенному времени.

На входе меня встретила хостес. Хотя обычно рассадкой вип-гостей занималась Таня. Я сказала хостес, что меня ждут, и направилась в вип - зону, где я ещё вчера кипела от гнева и разочарования в человеке.

Долго ждать Диану мне не пришлось. Она прибыла ровно в 19:00. Я заказал всё, что, по мнению Тани, любит Диана. Мне хотелось её порадовать.

Она элегантно села за стул напротив меня. Закинула ногу на ногу.

Девушка долго благодарила меня. А позже поинтересова-

лась, что же я хотел ей рассказать.

Я протянул ей коробку с красной лентой и бантом.

— Ты забыла её в машине. Открой.

Она развязала бант, надеясь увидеть свой холст. Но увидела колье.

По краям колье вились две змеи. Тонкие. Изящные. Переплетённые между собой. Их глаза - два маленьких рубина. Тёмно-красных. Как застывшая кровь. Как огонь. Как ненависть.

Глаза её засияли от слёз, как только она покрутила его в руках и прочитала на обороте гравировку: «Дианочке от дедушки».

— Нашлось! Нашлось! Дедушка же говорил, что оно ко мне вернётся, как придёт время.

Диана крепко обняла меня. Благодаря и в перерывах шмыгая носом и вытирая слёзы.

Я попросил отнести заказ в кабинет администратора. И повёл девушку за собой. Она послушно шла, вцепившись в мою руку. Как за спасательный круг, кинутый утопающему.

Таня увидела нас. Сунула Диане в руку новую свежесваренную чашку кофе. Принялась застёгивать колье на её шее.

Пальцы замерли на замке. Взгляд - на гравировке.

— Тань? -Диана обернулась.

— Ты чего?

Таня не ответила. Отпустила колье. Отступила на шаг.

— Теперь я всё вспомнила, -сказала она.

— Что «ты вспомнила»?..

— Колье. Таня посмотрела на неё.

— Ты приехала на тот семейный приём в нём. Я точно видела. Мы фотографировались, оно на этой фотографии. Таня ткнула Диане в лицо фотографией в рамке.

— А уезжала ты уже без него. Получается, ты его не теряла?..

— Я абсолютно не помню тот вечер.

— Я не понимала, куда оно делось. Думала, ты сняла перед выходом и забыла его у нас или же оставила в машине. Помнишь же, как мы все перерыли на следующий день?

Диана побледнела.

— Я была в нём не всё время? Я ничего не помню.

— А потом Денис вывел тебя под руку. Таня посмотрела на неё.

— Ты была бледная. Еле шла. Он сказал, что тебе плохо. Что он отвезёт тебя домой. Я не стала расспрашивать.

— Получается он снял его с меня?…

Таня кивнула:

— Похоже на то.

— Снял. И забрал себе…?

— И проиграл, - поправил меня Фил.

— Проиграл?.. В смысле, о чём ты?

Таня посмотрела на Филиппа.

— Ему проиграл. В покер.

Диана перевела глаза на него.

— Ты выиграл моё колье?

— Выиграл. -Он усмехнулся.

— Зачем? Как вообще это произошло?

— Затем, что твой парень был готов поставить его на кон. И я не мог допустить, чтобы оно не вернулось к своей хозяйке.

Диана заулыбалась.

— Ты вернул его.

— Вернул.

Диана сидела напротив меня и Тани. Допивала свой порядком остывший кофе. Уже успокоившись.

На её колени я опустил заверенный печатью документ о передаче колье от Дениса Юрьевича Ткаченко к Филиппу Елисеевичу Данову.

Прочитав его, она не сказала ни слова. Лишь подсела поближе ко мне и Тане. И уставилась в одну точку.

Глава 5. «Кофе с коньяком»

О

н вернул моё колье просто так?..

Я всё ещё пытаюсь свыкнуться с этой мыслью, пробуя её на вкус и растягивая как жвачку.

— Филипп.

— Мм?

— Спасибо. Правда, огромное спасибо.

Он кивнул достаточно растерянно. Как будто не привык к благодарности.

Филипп

Диана снова обняла меня. Я не сопротивлялся. Лишь стоял как статуя, замурованная в гипс. Я уже и забыл, как она за подаренную шоколадку чуть ли не на шею мне лезла.

Мне нравилось чувствовать хрупкое женское тело и нежный парфюм, который слышится как звенящая сладость карамели и ванили, свежесть сандала и ещё что-то непонятное мне. Но запах очень подходил Дине.

Задумавшись, я не заметил, как в кабинет вошла Таня, вышедшая забрать кофе. Она стояла на пороге с подносом в руках. Выронила неловкое «ой» и закрыла дверь. Ди захихикала и побежала вслед за подругой. Не знаю, что они обсуждали, но вернулись обе довольные, как сытые кошки. Мы сели обратно на диван.

Девушки разговаривали, пили чай с малиновыми эклерами.

Когда время приблизилось к вечеру, Фил предложил отвезти всех домой. Таня отказалась, сказав, что готовится к банкету.

А я, уже повеселевшая, села на заднее сиденье машины

и пригласила заехать ко мне. Мне нужно было вернуться в квартиру, но одна я не смогла сделать это. Как назло, никто сегодня не был свободен, кроме… Него…

Он вошёл, рассматривая стены моей прихожей.

— Картины. - Он смотрел на стены, увешанные работами моей сестры.

— Это Даша рисовала?

— Даша. Я кивнула.

— Красиво. - Он подошёл ближе, рассматривая картины вблизи.

— Она талантливая.

— Знаю. - Я прошла на кухню.

— Кофе будешь?

— Буду. - Он обернулся.

— Коньяк не забудь.

Я засмеялась. Заварила кофе. Добавила секретный ингредиент в обе чашки.

Я вскоре вышла, держа в руках поднос с двумя чашечками. И застыла.

Он стоял у мусорного ведра. С рамками в руках. С фотографиями. Меня и Дениса.

— Что ты делаешь?

— Убираю.

— Тебе это больше не нужно.

— Только не сжигай. — Я поставила поднос на стол.

Он хрипло засмеялся.

(По моему телу прошли толпы мурашек. Его смех мне определённо нравился. Я почувствовала, как кусочки души скрепляются толпищей мурашек воедино.)

Мы сели на диван. Взяли чашки. Сделали глоток.

— Расскажи.

— Как ты так изменился? За последние годы.

— Отучился на экономическом в Лондоне. Завёл друзей. Невесту. -Он усмехнулся.

— Отец подарил мне бизнес. Я его развил. Продал. Открыл ещё две компании. Тоже продал.

— Зачем?

— Чтобы вернуться домой. - Он посмотрел на меня.

— Быть ближе к родным.

— А невеста твоя как? Мне Таня говорила что-то про неё. Вика, да?

— Виктория уехала. -Он пожал плечами.

— Когда узнала, что я возвращаюсь домой.

С души свалился груз. Так, значит, он свободен. Эта информация меня порадовала.

— Теперь ты, -сказал он.

— Как ты стала такой?

— Какой?

— Другой. Совсем не такой, как раньше.

(Я зло усмехнулась.)

— Денис постарался. Отправил в зал. Запретил курить. Сменил стиль. Сделал из меня фарфоровую послушную кук-

лу. Привязанную к нему.

— Но мой вид и правда мне нравится. Только выдавать себя за другого человека я больше не намерена.

— Но ты ушла.

— Ушла. - Я кивнула.

— Потому что кукла сломалась.

(Он посмотрел на меня.. Как будто видел впервые.)

— Ты не кукла.

— Знаю. - Я отпила кофе.

— Теперь знаю.

Мы пили кофе. Говорили. О Лондоне. О его отце. О моей работе.

Я взяла со стола маленькую статуэтку. Фарфоровую. Девушку с лампадой в руках. Смотрящую в темноту.

— Это Психея. - Я провела пальцем по её плечу.

— Ты знаешь её историю?

Он покачал головой.

— Психея была смертной. Красивой. Такой красивой, что люди начали поклоняться ей, как богине. А не Венере. И Венера разгневалась. Она отправила своего сына, Амура, чтобы он заставил Психею влюбиться в чудовище.

— И?

— Амур влюбился сам.

— Он приходил к ней ночью. В темноте. Она не видела его лица. Но любила его душу. А потом…- я поставила статуэтку.

— Она зажгла лампу. Чтобы посмотреть. И он исчез. Потому что доверие было разрушено.

Он смотрел на меня.

— Психея отправилась в подземное царство. Венера сказала, что она должна принести ей ларец с красотой. Но это была ловушка. В ларце был смертный сон. Психея открыла его. И уснула.

— Навсегда?

— Нет. - Я улыбнулась.

— Амур нашёл её. Уколол своей стрелой. И разбудил. А потом унёс на Олимп. И добился для неё бессмертия. Она стала богиней души.

— Почему ты рассказала именно эту?

— Потому что она про пробуждение. -Я посмотрела на него.

— Про то, что даже самый глубокий сон можно прервать. Если рядом будет тот, кто верит.

— Ты веришь в это?

— Я религиовед. -Я пожала плечами.

— Нет.

— Ты веришь. Иначе не рассказывала бы так.

(Я и не знала, что сказать.)

— Филипп.

— Мм?

— Почему ты вернул мне колье?

— Потому что оно твоё. Вещь находит своего хозяина,

даже если теряется, уча его новому.

Глава 6. «Брокколи»

П

роснувшись утром и повернув голову, я с ужасом вскрикнула. Рядом со мной лежал парень.

(О боги! Что вчера произошло?)

Почему он не остался в гостевой, а разлёгся тут, на половине моей кроватки?

Мне пришлось крепко зажмурить глаза и со страхом рывком поднять одеяло. Также нехотя я приоткрыла один глаз. Расслабив глаза и часто проморгавшись, я поняла, что на мне только нижнее бельё. Парень же был полностью одет.

Я очень громко и театрально выдохнула.

От моей панической возни Филипп проснулся и начал громко смеяться.

— У нас ничего не было. Не переживай так.

— А что я тогда делаю в кровати? Ну,… полуголая?! Моему возмущению не было предела. Я уже готовила подушку, чтобы придушить его.

Филипп закатил глаза, откинул с себя одеяло и продолжил:

— Ты заставила меня сделать тебе массаж. И… отключи-

лась. Обещала заплатить поцелуями. Он с издёвкой подмигнул.

— Оплату я так и не получил. Ты просто вырубилась. Я всё ещё жду награды.

Я быстро взяла себя в руки и не спеша потянулась, словно кошка. Изящно соскользнула с кровати, мгновенно увеличивая дистанцию между нами.

— Знаешь, протянула я, поправляя волосы.

— Твой массаж был просто олимпийского уровня. Честное слово. Но… поцелуя не будет.

Филипп опешил.

— В смысле? Мы же договорились! Это обман!

— Это не обман, дорогой мой. Это классика. Я рассмеялась, задорно подмигнув ему.

— Ты греческую мифологию в школе вообще учил? Был там такой царь -Иксион. Он безумно влюбился в царицу богов Геру и требовал от неё взаимности, ласки и поцелуев. Гера обещала подумать, а сама создала из тумана своего точного клона. Иксион весь вечер обнимал и целовал облако, думая, что поймал удачу за хвост. Пока настоящая богиня наблюдала за этим со стороны.

Я сделала ещё шаг назад, увлекая его взгляд за собой. Я не стеснялась ни его, ни своего полуобнажённого вида.

— Так вот. Считай, что обещание поцелуя тоже было из того самого олимпийского облака. Иллюзия для мотивации. Но за массаж - искреннее божественное спасибо!

(Я не хотела торопить события, мне хотелось протянуть удовольствие, распробовать его, чем дольше длится ожидание - тем приятнее получать за него блага.)

Филипп удалился на кухню. Я быстро расчесала волосы и накинула красный шёлковый халат.

Филипп пришёл через некоторое время. Мягко взял меня за руку и повёл на кухню. На барной стойке уже стояли чашки с кофе.

Мы, молча, выпили свой утренний кофе. А потом он сказал:

— У меня есть предложение.

— Какое?

— Закрытый аукцион сегодня вечером. Один мой знакомый распродаёт коллекцию антиквариата. И я безумно хочу, чтобы ты пошла со мной.

Я посмотрела на него.

— Почему я?

— Потому что ты разбираешься в этом. Как бы тебе сказать… Он пожал плечами.

— Явно лучше меня. И потому что мне нужен человек, который скажет, что стоит моего внимания. А что-нет.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. Он улыбнулся.

— Надень что-нибудь… изысканное.

Я засмеялась.

— Хорошо. Пойду.

Вместе с Филиппом мы выбрали образы на вечерний аукцион. И парень уехал к себе, пообещав заехать за мной в пять.

Я начала свои сборы. Нормально позавтракала. Сходила в душ. Отпарила своё карминового цвета платье в пол. Выбрала к нему лодочки идентичного цвета и сумочку с акцентным элементом в виде красной розы.

Над макияжем я не стала заморачиваться. Сделала простой смоки и нанесла нюдовую помаду. С ногтями решила ничего не делать, потому что они идеально подходили к образу. А волосы я завила в лёгкие воздушные кудри-облачка.

Пока я собиралась, не заметила, как подошёл вечер. Это значило, что мне нужно ждать моего спутника.

Я услышала звонок в дверь. На пороге стоял курьер с букетом роз и какой-то изящной коробкой цвета белого золота, в таких я храню свои украшения. Мне на секунду показалось, что это подарок от Фила. Я даже потянула к коробке руку.

Но через пару секунд из-за спины курьера вышел Денис…

Я попятилась на пару шагов вглубь квартиры, пытаясь закрыть дверь перед носом парня. Но получится ли у хрупкой девушки удерживать дверь от парня сильнее её? Конечно, нет.

Последняя надежда была на Фила, который с минуты на минуту должен был приехать. Когда послышались шаги со стороны лестницы, я выдохнула, ожидая подмогу. Но тут Де-

нис резко навалился весом на дверь и открыл её.

— Ты сегодня очень красивая. Куда собралась?

— Не думаю, что тебе теперь позволено задавать такие вопросы.

— И кстати. Почему ты всё ещё не уехал? Ты же собирался.

— Что? — Парень задумался.

— Учёба. Родители. Ты же говорил, что это важно.

— Я смотрела на него. Или это было враньё?

(Он не ответил. Только сжал челюсть. И глаза стали злыми. Как у загнанного стаей волков зверька.)

— Это не твоё дело.

— А что моё дело?

(Я сделала ещё шаг, нащупывая рукой на тумбе сумочку.)

— Ты пришёл сюда. Без приглашения. С цветами. Как будто ничего не случилось. Как будто ты не предал меня.

— Я не предавал. Его голос дрогнул, как дрожит арфа, по которой нежно, с материнской любовью проводят кончиками пальцев.

— Я просто…

— Просто что?

(Он долго смотрел на меня. И что-то в его глазах было не так. Что-то тёмное, вяжущее во рту, как горькое лекарство от кашля. Голодное, как у медведя, вышедшего из спячки. Как у человека, которому?.. Которому нечего терять.)

— Не так быстро, девочка моя. Он шагнул вперёд.

— Нам нужно поговорить.

Недолго думая, я выхватила у него из рук букет и принялась бить его. Красивые и невинные алые розы прорвали заботливо сложенную упаковку, и шипы, которые, видимо, забыли убрать, проскользнули по его коже, оставляя алую дорожку.

Мне подумалось, что розы плачут, только слёзы у них - чужая кровь.

Я чувствовала себя хозяйкой ситуации, пока парень резко не двинулся на меня. Быстро достав из сумки перцовый баллончик, я направила его на Дениса. Но распылить не успела, в моего бывшего полетела ваза. Дорогой антиквариат, между прочим.

Зайдя в квартиру Дианы, я увидел странную картину. Диана как могла, защищалась от нападок Дениса. Недолго думая, я схватил первое попавшееся под руку -чопорную вазу и швырнул её точно в голову парню. Тот, будто не замечая боли, переместил свою злость на меня. Я лёгким движением скрутил руки парня за спину, тот сопротивлялся, но я удачно захватил его. Выводя его, я сквозь зубы прорычал:

— Ты нарушаешь наш договор, это может плохо закончиться для тебя…

Не ожидая ответа, я закрыл дверь и повернулся к Диане.

Увидев, как Диана спускается по стене, моё сердце до боли сжалось. Не хватало ещё обморока, я быстро подбежал к

ней и подхватил за талию, в попытках привести девушку в чувства мне пришлось намочить ей шею холодной водой.

Дина прижалась ко мне и очень слабо, тихо, сравни испуганной лани, благодарила:

— Спасибо, спасибо, если бы не ты, я бы…

Я думала, что Денис меня убьёт или попытается задушить. Но вовремя появился Филипп, чему я была рада. К тому же он помог мне. Скорую ждать было бы очень долго.

Я долго не могла прийти в себя. Голова кружилась, ноги были ватными. Я так и стояла, прижавшись к Филу, часто дыша и параллельно осыпая его благодарностями.

Тактильности Дианы затянулись. Я легко оторвал её от пола, приподняв за талию, чтобы она не поцарапала туфли осколками, и поставил туда, где не было пережитков чопорной вазочки. Заметив, что моя спутница опять пытается отключиться, я, не осознавая последствий, поцеловал её, больно прикусив нижнюю губу.

Я хлопаю глазами, стоя напротив Фила. Губа побаливает. Но я чувствую, как рой бабочек расползается по мне. Я провожу тыльной стороной ладони по губам. Сразу после этого прихожу в себя и наотмашь бью парню оплеуху, вложив в удар, по ощущениям, весь запас энергии.

— ТЫ В СВОЁМ УМЕ ВООБЩЕ?

Я и сам не до конца успел понять, что сделал. Щеку начало жечь. Посмотрев в зеркало, я увидел отчётливый след женской ладони. Стоит заметить, очень изящной ладони.

Диана, испугавшись своего поступка, убежала в сторону кухни, цокая каблучками. Чуть не споткнувшись о подол платья, она скрылась за дверью. Моя фурия появилась спустя минуту, сгибаясь от хохота и попутно краснея. Протянула мне пакет с замороженным брокколи.

— Хотела кинуть им в тебя, посмеялась Диана.

Я посмотрела на него. Он прижимал брокколи к щеке и пытался переварить произошедшее. И что? Не покушение же я на него совершила. Человек получил последствия от своего поступка. А я ещё сжалилась над ним, между прочим. Пусть спасибо скажет, что овощи не полетели в него, а мягко опустились в его наглеющие руки.

— А теперь мне нужно подправить макияж и надеть колье. Не смей убежать с моим брокколи.

Я скрылась за дверью спальни. Начав поправлять макияж, я почувствовала его присутствие прямо сзади себя.

Я тихо произнесла:

— Держи брокколи покрепче. Негоже гостям лицезреть на тебе побои.

— А может, я хочу, чтобы ты оставила на мне следы?

Филипп подался ближе ко мне. В нос ударили и сразу защипали нотки цитруса и сандала. Мне захотелось чихнуть.

— И кстати, можешь так не торопиться. У тебя помада смазалась. Он провёл подушечкой пальца по смазанному следу от помады

Глава 7. «Розы тоже плачут»

Я

разозлилась ещё сильнее.

— Если не хочешь, чтобы я выбила остатки твоего немногочисленного мозга, ты должен осознать: к девушке с косметикой в руках лучше близко не подходить. Я сейчас и тебя накрашу.

Я встала. Фил от моего напора отпрыгнул от стула как ужаленный. Сделал пару шагов назад, упёрся о кровать. Подняв обе руки, будто на него навели оружие, присел на её край.

— Вот и сла-а-вне-е-нько-о, пропела я слащаво-медовым голосочком и вернулась к трюмо.

Накрасив губы, я с большим трудом застегнула на шее колье. Никакой помощи в этом доме. Дама мучается, а он?!

Затем нанесла по несколько пшиков духов на волосы, запястья, шею, подол платья. Я резко на пятках повернулась к гостю.

Филипп сидел на краю кровати, уткнувшись в телефон. Брокколи он уже выбросил. Конечно же, на мою подушку. Там растекалось мокрое пятно. Щека парня всё ещё розовела - был отчётливо заметен след от моей ладони.

Я пропела всё той же ванильной интонацией:

— О сударь, соизвольте оторваться от своей игрушки дья-

вола и взглянуть на спутницу.

Он с трудом оторвал глаза от телефона. Просканировал меня снизу вверх. Остановил взгляд на моих глазах.

— Ты выглядишь… - начал он.

Я тут же перебила:

— Как я выгляжу? Как?

(Почему-то в этот момент мне хотелось, чтобы Филиппу понравилось, как я выгляжу.)

— Очень грозно. -Он помялся, поправив галстук.

— Правда?

— Правда.

Филипп резко встал. Я отступила на шаг, растеряв своё бойкое настроение.

Он поправил мой локон и чётко отчеканил:

— На аукционе ты следишь за своим колье. Постоянно проверяй, чтобы оно было на тебе. Ясно?

— Это всё? Или есть ещё указания?

— Это всё. Мы выходим. Машина ждёт.

— Есть, сэр, -произнесла я и прошагала к выходу.

У двери Фил подхватил меня на руки и пронёс через осколки. На ноги меня опустили уже около машины. И только для того, чтобы открыть мне дверь.

Зал встретил нас приглушённым светом. Тяжёлыми люстрами. Запахом старого дерева и дорогих духов.

Приглашённые выглядели серьёзно. Сдержанно, с натяну-

тыми улыбками. Я заметила только оценивающие ледяные взгляды.

Филипп заставил взять его под руку.

— Не отходи. И не верь никому. Здесь каждый второй - мошенник.

— А ты?

— Я третий. - Он усмехнулся.

— Шучу.

К нам подошёл мужчина. Высокий. Седой. В идеально сидящем на нём костюме.

— Филипп Елисеевич. Рад вас видеть. -Он посмотрел на меня.

— А это…

— Диана. - Филипп не дал ему договорить.

— Моя спутница. Она поможет мне с выбором.

Мужчина поднял бровь.

— Интересно.

(Он смотрел, на меня как будто, оценивая. Не как женщину. Как специалиста. И это было до одури приятно.)

Мы прошли в основной зал. Филипп показывал мне лоты. Я комментировала.

— Это реплика. Я кивнула на статуэтку.

— Копия. Хорошая, конечно. Но копия. Таких артефактов много, они невысоко ценятся, но и подделывают их часто.

— Ты уверена?

— Уверена. Я провела пальцем по краю.

— Видишь трещину? Она неестественная. Как будто её сделали специально. Чтобы состарить.

Вскоре к нам подошла пара. Женщина золотого возраста. В платье из тёмно-синего шёлка. И седовласый мужчина в строгом костюме материалом и цветом точно как у его жены.

— Филипп! -Женщина улыбалась с искренней икринкой в глазах.

— Как давно я тебя не видела. А это кто с тобой?

— Диана. - Филипп кивнул в мою сторону.

— Моя спутница. Религиовед.

— Религиовед? - Женщина посмотрела на меня с интересом.

— Альма. А это мой муж. Виктор.

Виктор протянул руку. Я пожала, оценивая свои ощущения, рука была сухой и тёплой , такие руки бывали у разных людей в моей жизни.

— Вы разбираетесь в антиквариате? - Спросил он.

— В мифологии и мировых религиях. - Я улыбнулась.

— А антиквариат - это лишь её материальная часть.

Виктор по-доброму засмеялся.

— Мне нравится эта формулировка.

Альма подхватила меня под руку.

— Диана, вы такая красавица. Неудивительно, что Филипп выбрал вас.

— Альма, вы ничем не хуже меня.

— Какой дизайнер изготавливал ваше платье?

Альма расхохоталась.

— Деточка, этот дизайнер - я!

— Альма, ну раз так, мне придётся взять ваши контакты. Вы вынуждаете меня, как вам не стыдно, творить такие чудеса?

(Альма снова засмеялась. И я поняла: вот она - та самая лёгкость, которой мне сегодня так не хватало.)

— Альма, прошу меня простить, я вернусь к Филиппу, он просил не оставлять его одного. Наверняка боится, что ему какая-нибудь статуя приснится в кошмариках.

Я на пятках развернулась и, подойдя к Филиппу, мягко погладила его плечо, будто смахивала невидимые пылинки.

Через некоторое время к нам подошёл мужчина. С теми же тёмными глазами, что у Филиппа. Но мягче. Теплее. Без стали и льда, мужчина смотрел на нас с большой радостью.

— Елисей Сергеевич! - Я разулыбалась.

— Как давно я вас не видела.

Он раскрыл объятия. И крепко, по-отечески обнял меня.

— Дианочка. - Он отстранился. Посмотрел на меня.

— Выросла. Красавица, какая. Вся в мать, словно с небес спустилась.

— Вы тоже хорошо выглядите.

— Как ваши дела? Как охота?

— Охота - хорошо. Он засмеялся.

— А вот сын мой - не очень. Он кивнул в сторону Филип-

па

. — Ты теперь его невеста?

Я замерла.

— Что?

— Невеста. - Елисей посмотрел на Филиппа. Потом на меня.

— Он мне вчера сказал. Что недавно встретил тебя и что начал ухаживать за тобой, даже с мамой обсуждал, какие цветы тебе лучше дарить.

— Папа! - воскликнул Филипп.

— Прекрати. -Последнее слово он словно змея прошипел.

(Я посмотрела на Филиппа. Он не отвёл взгляд. Но что-то в его глазах было не так. Как будто он не ожидал, что отец скажет это.)

— Елисей Сергеевич…- Начала я.

— Не смущайся. - Он похлопал меня по плечу.

— Я рад. Правда. Ты - хорошая девушка. Я всегда знал, что из тебя выйдет толк.

(Он улыбнулся. По-настоящему тепло. И я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось со щемящей надеждой.)

Мы перешли в зал торгов, когда прозвенел третий звон, колокола.

Объявили торги за ювелирные лоты. Организатор - мужчина, который подошел к нам первым попросил меня помочь ведущему кратко аннотировать несколько предметов как приглашённый специалист - это отвлекало бы меня от

давящих мыслей, и я с детским восторгом согласилась, вбежав на пьедестал.

Вскоре под свет софитов на подиум вынесли бархатный футляр. В его глубине тускло поблёскивало старинное серебро.

Лицитатор неторопливо начал:

— Лот номер сорок семь. Старинный перстень «Уроборос». Конец восемнадцатого века, чернёное серебро, матовая чеканка.

Я небрежно коснулась микрофона на стойке, и мой голос чётко зазвучал над залом.

— Здравствуйте, уважаемые дамы и господа, сегодня я представлю вам несколько экспонатов и расскажу про их историю так, что вы не сможете удержаться от покупки.

Я сделала паузу, обводя взглядом ряды кресел, пока мои глаза не остановились на Филиппе. Он сидел чуть поодаль, лениво подперев подбородок рукой и глядя на меня со всем своим привычным льдом во взгляде.

— Посмотрите на него внимательнее, вкрадчиво продолжила я, чувствуя, как внутри у присутствующих разгорается азарт.

— Змей, пожирающий собственный хвост, - древнейший символ вечного возвращения и цикличности. Обратите внимание на чеканку: кольцо смыкается там, где всё только начинается.

В мифологии это знак не только мудрости, но и вечного

плена иллюзий. Это кольцо создано для человека, который раз за разом возвращается к началу, надеясь на другой исход. Для того, кто тешит себя ложными надеждами на награду, которую… никогда не получит. Например, за один-единственный поцелуй богини.

Филипп резко вскинул голову. Его брови поднялись вверх, а в глазах вспыхнул опасный огонёк. Мой скрытый намёк ударил точно в цель - я открыто напомнила ему о его утреннем «провале», но сделала это так тонко, что зал лишь заворожено вздохнул, приняв это за красивую метафору.

— Начальная цена лота — сто восемьдесят тысяч, -подвела я итог, глядя Филиппу прямо в лицо.

— Кто готов затянуть этот круг на своём пальце?

Лицитатор принял управление торгами:

— Сто восемьдесят тысяч в первом ряду! Сто восемьдесят пять - господин справа. Сто девяносто?

Филипп не сводил с меня бешеного, но азартного взгляда. Он медленно, с вызовом ухмыльнулся и уверенно поднял свою табличку.

— Триста тысяч, -звучно произнёс он, перебивая шаг аукциона.

— Триста тысяч принято от господина Елисеева! -зачастил ведущий.

— Триста десять тысяч? Мужчина в третьем ряду, триста десять.

Я слегка приподняла бровь, безмолвно спрашивая Фи-

липпа:

«И это всё, на что ты способен?»

Его челюсть упрямо сжалась. Он вздёрнул табличку ещё раз, даже не дожидаясь, пока кто-то успеет вклиниться.

— Пятьсот пятьдесят тысяч.

В зале послышался одобрительный шёпот. Для этого серебряного перстня цена уже была завышенной, но Филипп явно играл не ради самого украшения. Он покупал мою капитуляцию.

— Пятьсот пятьдесят тысяч — раз!

Пятьсот пятьдесят тысяч — два… - аукционист обвёл зал взглядом.

— Три! Продано Филиппу Елисеевичу!

Когда я вернулась к нашему столику, Фил уже держал кольцо в руках. Он не спеша надел тяжёлый серебряный перстень на указательный палец и покрутил его, демонстрируя мне змеиную голову.

— Мудрость, значит, а не яд? Так чтобы слышала только я, спросил он.

— И твой намёк я, кстати, понял.

— Это просто красивая история для поднятия цены, Филипп, -я беззаботно пожала плечами. Это просто моя работа.

— Нет, -он поймал мой взгляд, и его голос стал глубже.

— Это ты. И круг ещё не замкнулся, Диана.

Таня подошла ко мне через некоторое время. Положила руку на плечо.

— Ну что? Как тебе аукцион?

— Нормально. - Я улыбнулась.

— Продала Филиппу перстень.

— Перстень?- Таня подняла бровь.

(И тут же она кинулась ко мне, обняла меня крепко. Как в детстве. И я почувствовала, что всё будет хо-ро-шо.)

Я почувствовала его раньше, чем увидела. Взгляд. Как прикосновение к чему-то ледяному и мерзостно липкому.

Денис стоял у входа. В том же мятом костюме. С уже высохшими и запекшимися красными слезами роз на щеках. С новоприобретённой хищной улыбкой, будто кто-то ему что-то пообещал за этот конкретный визит. Какой же лот он выберет?

Глава 8. «Он пришёл»

Я

стояла словно приклеенная к Тане.

Маска спокойствия треснула.

Денис. Второй раз за вечер.

Его нет в списке приглашённых ,как его вообще впустили?

Ко мне быстрым шагом подошла Альма.

Танюша в этот момент отлепила меня от себя и испуганно потрясла за плечи. На лице у Альмы был испуг:

— Деточка, что случилось? Ты вся бледная, словно мел.

— Всё хорошо, -выдавила я.

— Просто очень душно, мне нужен воздух. Таня, давай выйдем.

Я перестала слышать музыку и как робот шла через толпу по направлению к балконам. Подруга что-то говорила, я не слышала, в ушах гулко стучала кровь.

Оказавшись на балконе, я оперлась руками о перила и выдохнула. Воздух обжёг мне лёгкие. На улице было прохладно, вечерний город мелодично шумел, вдали виднелись красивые фонари. Этот вид меня успокаивал.

Таня не сводила с меня глаз:

— Что случилось? Ты как будто привидение увидела.

— У меня кружится голова, принеси мне воды, пожалуйста.

Как только я осталась одна, в дверях балкона показался мой страх. Моя боль. Мой кошмар.

Он шагнул вперёд. Закрыл за собой дверь. Щёлкнула щеколда.

И тогда я поняла:

мы одни, он запер меня на балконе. Мои колени мелко задрожали, а тело будто сцепило железными путами.

— Что тебе нужно?

Я почувствовала, как спина упирается в холодный металл. Отступать мне некуда, я заперта с ним, совсем одна.

Денис лишь молча меня разглядывал. Он был нетрезв, глаза были замылены.

— А ты красива. На тебе сегодня очень открытое платье, привлекаешь взгляды, ты же знаешь, что я это не люблю.

— Уходи, пожалуйста, уходи, ты мне противен! Ты украл у меня подарок дедушки! Ты же знал, как я им дорожу, ты помогал мне его искать, а сам…

— Ох, милая, ты заблуждаешься.

— Ты мне противен - проваливай. Последнее слово я с ядом в горле чуть ли не выплюнула в Дениса.

Его руки легли на мою шею. Пальцы сжались. Я рванулась назад, но он тянулся ко мне - за поцелуем. Так же, как Иксион к Гере. Но я не Гера, я не могу сотворить своего клона из облаков, нужно думать, что делать.

Думай, Диана, думай.

Ничего лучше не придумав, я пнула его прямо в сокровенную точечку с надеждой, чтобы такие, как он, не размножались.

Как только эта туша отлепилась от меня и отошла, согнувшись в три погибели, я услышала щелчок отпирающегося замка - пришло моё спасение.

На пороге стоял запыхавшийся **Филипп и Таня** с огромной бутылкой воды наперевес (где она только её откопала?).

Филипп схватил уже не такого бодрого Дениса за пиджак и выволок в главный зал.

Таня кинулась ко мне:

— Диана, ну как ты? Держи водичку, пей! Не переживай, всё хорошо, ты цела, ты в безопасности!

— Где ты нашла эту воду? -Я с удивлением взглянула на литровую бутылку воды в своих руках.

— Зашла на кухню, попросила воды, мне дали это.

Я взяла бутылку, открутила крышку и залпом выпила ровно половину, по рифлёную отметку ноль пять.

В основном зале послышался шум. Звуки тяжёлой возни и непечатный трёхступенчатый мат.

Я выбежала с балкона и застыла.

Филипп, заломив руки, прижал Дениса лицом в мраморный пол. Рука моего бывшего была неестественно вывернута, и к этому шоу уже спешили охранники.

Денис орал матом, дергался. А Филипп спокойно удерживал нетрезвую тушу коленкой промеж лопаток, держа его руки заведёнными за спину.

— Филипп! - Прокричала я, не узнавая свой голос.

Парень ещё сильнее напрягся и вжал Дениса в пол:

— Я надеюсь, ты меня услышал, и больше ты к ней не подойдёшь, -Прорычал Фил.

— Пошёл ты, ты купил её с моих рук, она была моей, послушной… И поводочной.

Я подбежала к Филиппу и притронулась к его плечу:

— Пожалуйста, хватит, оставь его.

Секунда, две, три.

Хватка ослаблена. Парень встал и отошёл на несколько шагов:

— Вышвырните его.

Охрана подхватила Дениса под руки и повела к выходу. Он что-то кричал вслед, но я не разобрала, или, же вовсе не хотела слышать.

Я, не в силах держать себя в руках, уткнулась, в грудь Фила, мгновенно, расслабившись.

— Всё позади, моя красавица, ты в безопасности.

Филипп ослабил объятия, я отпрянула от него, поправила его пиджак и крепче сжала его руку.

Растерянный Лицитатор выбегает на сцену, рвано хватается за микрофон и запыхавшимся, высоким на нервной почве голосом испуганного барана громко вещает, чуть ли не крича:

— Дамы и господа. Прошу прощения за этот инцидент. Виновник будет наказан. Продолжайте вечер.

Заиграл фрагмент из античной песни **«Эпитафия Сейкила».**

Я тут же вслух перевела услышанный фрагмент:

«Пока ты жив, сияй, ни о чём не печалься. Жизнь длится недолго, и время требует своего».

Гости отвернулись. Но слухи ползут, словно змеи, от них некуда деться.

Филипп взял меня за руку и повёл к выходу.

— Куда мы?

— Домой.

— Фил… Слабо начала я.

— Попроси своего отца, да и сам не говори о том, что

тут произошло. Я не хочу, чтобы мои родители нервничали, меня папа на цепь посадит, если узнает об этом случае.

Филипп тяжело вздыхает:

— Ладно, договорились, я решу этот вопрос. Можешь не беспокоиться.

И я смогла выдохнуть впервые за вечер так, словно с меня стянули железные путы, и ожоги от холодного металла на горле и ногах тут же залечила Панакея -богиня всеисцеления.

Глава 9. «Рога Актеона»

Я

проснулась с жуткой головной болью, солнце пробивалось через лёгкий тюль, в комнате было душно, я, сладко зевнув, потянулась к своему телефону.

— Чёрт, разряжен.

Я поставила его на зарядку и продолжила нежиться в кровати. Когда гаджет включился, я увидела сообщение от Тани:

«Диана, перезвони».

Я лениво потянулась, подняв руки вверх, и пошла, готовить себе завтрак. Только когда я приняла спасительную дозу углеводов и чудотворный кофе, я вспомнила про подругу.

Гудки идут долго, я уже начинаю думать, что Таня занята.

— Алло? -наконец ответила Таня. Голос взволнованный.

— Диана, ты не представляешь, что случилось.

— Что?- Я села на диван и провела рукой по шёлковому покрывалу.

— Ты в порядке?

— В порядке. Даже слишком. Помнишь того красавчика на аукционе, купившего вазу? Блондинчик такой в молочной рубашке? Артём.

— И что, зачем ты его вспомнила в восьмом часу утра? Тебе заняться нечем?

— И я не знаю, что делать. Он пришёл в «Роуз». Я хочу с ним ещё поговорить, мне так понравилось разговаривать с ним на аукционе… Он такой притягательный, понимаешь, Диана?

Я улыбнулась.

— Ты тут работаешь. Просто подойди и спроси.

— Что спросить?

— Спроси, как ему заказ. Не хочет ли десерт.

Таня неразборчиво прошипела ругательство.

— Ты думаешь, поможет?

— Думаю, что ты ничего не потеряешь, а если не подойдёшь - будешь жалеть. Приезжай, как поговорите. У тебя тут личная жизнь налаживается, так не годится. Теперь я волнуюсь за тебя поболее, чем за свою работу.

Таня искренне засмеялась.

— Ладно.

Гудки.

Я села за очередную статью и не заметила, как прошло несколько часов. Мои пальцы мелодично отстукивали по клавиатуре буквы, которые вскоре сложились в статью о легенде, об Актеоне и Артемиде. Я искренне считаю, что боги живут тогда, когда о них помнят и восхваляют их. Дописав статью, я пробежалась по ней глазами.

— Та-а-ак, я довольна своим детищем. Отправляю в редакцию.

Как только я отправила статью редактору, я услышала протяжный звон, мой дверной звоночек испытал жуткий стресс — его зажали и не отпускали, пока я не распахнула дверь. Для моей вновь нарастающей головной боли не было разницы, кто её провоцирует, получат все без исключения.

Но, увидев в руках Тани эклеры, я передумала читать нотации, только отступила, шире открыв дверь, приглашая войти.

— Кофе будешь? Или ты напилась уже? - съехидничала я, намекая на её нового ухажёра.

Попивая свой явно не первый кофе за день, подруга начала рассказ, я слушала не перебивая.

— Он показал мне мосты, сказала Таня.

— Ну, наброски мостов. Ему нравится рисовать мосты.

Таня сбивчиво тараторила много информации, которая не успевала складываться в моей голове в единое целое. И звучала эта какофония как белый шум от сломанного телевизора. — И я… Я попросила показать ещё. И он показал. Диа-

на, у него руки дрожали. Понимаешь? Владелец клуба. Весь такой серьёзный. А руки дрогнули, когда он показывал мне свои наброски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.